

Отрицание в идиоме сибирских сето: эволюция отрицательного глагола¹

В докладе обсуждаются способы выражения отрицания (в первую очередь, стандартного отрицания в терминологии Мьестамо (см. [Miestamo 2000]) в идиоме сибирских сето (прибалтийско-финская группа). Показывается, что отрицательный глагол, являющийся основным маркером отрицания в большинстве уральских языков, в данном идиоме утратил большую часть глагольных показателей и во многих случаях ближе к энклитике. Основной материал исследования был собран с помощью анкетного опроса в ходе полевой работы в 2019г. в д. Хайдак Красноярского края, где продолжают проживать потомки переселенцев-сето, уехавших в Сибирь в начале XX в.

Как было сказано выше, стандартное отрицание в идиоме, как и в подавляющем большинстве родственных языков (см. [Агранат 2016: 101 и далее]) выражается с помощью отрицательного глагола, который сочетается с особой формой отрицаемого глагола (т.н. «коннегатив»). В отличие от большинства прибалтийско-финских языков отрицательный глагол в идиоме не согласуется с субъектом по лицу и числу (ср. (1.а) и (1.б)). Единственным сохранившимся глагольным показателем остаётся показатель времени, образуя форму «es» в претерите (1.в).

Примеры (2) показывают, что в идиоме возможна постпозиция маркера отрицания относительно лексического глагола, причем в нашем материале она является более частотной, нежели препозиция. В таком случае, как видно на примерах маркер отрицания скорее выступает энклитикой, которая может сливаться с предшествующим глаголом. В препозиции отрицательный глагол чаще находится под ударением и не допускает фузии (ср. (2.а) и (1.б), где в схожем фонетическом контексте не происходит выпадения начальной гласной маркера).

По-видимому, вариативность в позиции отрицания объясняется коммуникативным членением высказывания. По словам некоторых информантов, они употребляют препозицию, когда хотят выделить отрицательный элемент и таким образом подчеркнуть отрицание предиката. Подобная функция позиции отрицания ранее обсуждалась в литературе. Так, Л. Хонти пишет, что в вепском языке, где нормальным является препозиция отрицания, постпозиция служит для эмпазы отрицательного глагола [Honti 1997: 168]. В идиоме сибирских сето наблюдается, кажется, зеркальная ситуация, когда для эмпазы употребляется препозиция.

С позицией отрицания тесно связано ещё одно интересное явление в идиоме – а именно, двойное выражение отрицания, наблюдаемое в сложных клаузах в претерите (3.а). В этом контексте в препозиции употребляется форма «ei», в постпозиции – «s», которая присоединяется к лексическому глаголу. Несколько моментов обращают на себя внимание. Во-первых, в данной конструкции наблюдается ослабление семантики отрицания у постпозитивного элемента, что объясняет, почему говорящие крайне неохотно выражают отрицание в данном контексте, ограничившись лишь им (3.б). Во-вторых, необычно употребление формы «ei» в контексте прошедшего времени, которое выражается здесь лишь при помощи постпозитивного элемента. Таким образом, данная конструкция представляет собой иную стратегию выражения отрицания в идиоме, где маркером отрицания выступает неизменяемый отрицательный глагол, утративший все финитные показатели, тогда как категория времени выражается аффиксально в отрицаемом глаголе. В таком случае можно было бы предположить, что структурно показатель отрицания в идиоме скорее является частицей, нежели глаголом, однако необходимо отметить, что дистрибуция данной конструкции ограничена лишь сложными предложениями. Её употребление в простом предложении оценивается говорящими как недопустимое (3.в). Тем не менее, подобные примеры могут свидетельствовать о начинающемся процессе перестройки системы отрицания в идиоме.

Примеры:

(1.а) ma? ei tie
я NEG знать.CONN

Я не знаю;

(б) nimä ei ütlä
они NEG отвечать.CONN

Они не отвечают;

(в) [timä] ela es taha maga-ma
он вчера NEG.PRAET хотеть.CONN спать-INF

Вчера он не хотел спать;

(2.а) timä tia-i(< tia ei) midägi
он знать-NEG ничего

Он ничего не знает;

(б) mi maka-s(< maka es) kõik üü
мы спать-NEG.PRAET весь ночь

Мы не спали всю ночь;

(3.а) timä piat mu-llõ raha-? andõ ei ana-s
он должен я-ALLAT деньги-PL отдать NEG дать-NEG(?).PRAET

Он должен был отдать мне деньги, а не отдал;

(? б) timä piat mu-llõ raha-? andõ ana-s
он должен я-ALLAT деньги-PL отдать-INF дать-NEG.PRAET

Он должен был мне денег; не отдал;

(*в) timä ei ana-s mu-llõ aha-?
он NEG дать-NEG.PRAET я-ALLAT деньги

Он не отдал мне деньги;

Список литературы:

1. Агранат Т.Б. Сравнительный анализ грамматических систем прибалтийско-финских языков: принципы интрагенетической типологии. М., «Языки народов мира», 2016.
2. Miestamo M. Towards a typology of standard negation // Nordic journal of linguistics 23. P. 65–88. 2000
3. Honti L. (1997) Die Negation im Uralischen II // Linguistica Uralica, 1997. XXXIII. № 3. P. 161-173.

Орлов Владислав Андреевич
МГЛУ
vladakanoi@mail.ru

ⁱ Исследование поддержано грантом РФФИ № 18-012-00802: «Комплексное социолингвистическое и грамматическое исследование идиома российских сетов»